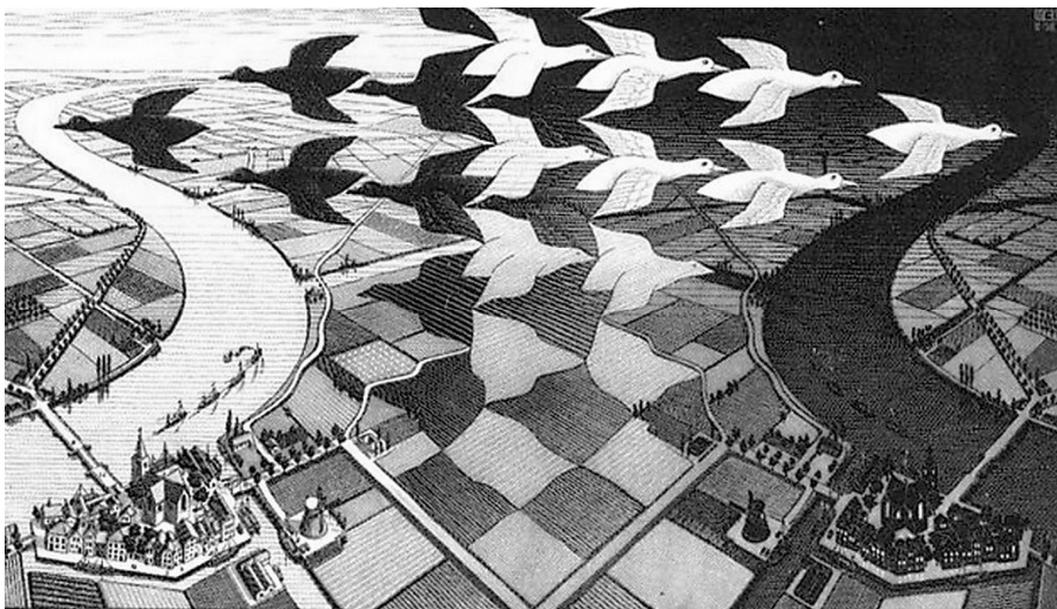

ПРОСТРАНСТВО ПРОСТРАНСТВ

День и ночь. Гравюра Маурица Эшера. 1938.

УДК 130.2:114:141.319.8:004.93'11

Сараф М.Я.

Динамика культурного пространства

Сараф Михаил Яковлевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет культуры и искусств
E-mail: ssaraf@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о механизмах динамики культурного пространства. Автор сопоставляет понятие инновации в культуре с понятием культурной инновации, полагая, что ведущую роль в культурном процессе играет именно культурная инновация. Она представляет собой такое преобразование структур знаков и символов, результатом которого является изменение в способе мышления и в способе деятельности. В связи с этим ее содержание и сущность раскрывается как системное противоречие культуры. Направленность и поэтапность действия культурной инновации в различных типах культуры проявляются различным образом, но всегда выражают себя как шаг новизны.

Ключевые слова: культурный процесс, динамика культуры, инновация, культурная инновация, трансформация смыслов, шаг новизны.

Общие принципы, или законы движения культуры являются важнейшей темой философии культуры и культурологии. Прежде всего, разумеется, возникает вопрос о существовании таковых законов, что в одних философских концепциях не подлежит сомнению, в других столь же решительному отрицанию. Ведущийся со времен Риккерта спор о достоинствах и недостатках генерализирующего и индивидуализирующего методов, о возможностях и границах их применения то и дело проявляет себя в теории культуры. Несомненно, что всякая культура меняется и в своих внешних связях, и в своей внутренней структуре, но как заметил классик культурной антропологии Б. Малиновский, «инновационные культурные изменения – это процесс, который трудно взять под надзор и контроль в аспекте как теории, так и метода»¹.

С одной стороны, само употребление понятия «культурный процесс» включает в себя и понятие «динамика культуры», то есть ее изменение, развертывание, направленность, функционирование и т.п. С другой же, – как только такой процесс пытаются описать в ключе понятий «развитие и прогресс» возникают многие сомнения и

¹ Малиновский Б. Избранное. Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 27.

возражения об их применимости. Как будто не подлежит сомнению наличие общих принципов и механизмов организации и функционирования культуры, но их направленность и предметное воплощение возможно трактовать в прямо противоположных выводах. Эволюционизм, казалось бы, совершенно утвердился в научном мышлении, но странным образом в естествознании он гораздо более прочен, чем в гуманитарных науках, здесь, особенно в концепциях культуры, наблюдаются, скорее, диффузионистские подходы, находящиеся под сильным влиянием идей постмодернизма.

Известные типологии культур, как классические, так и современные, независимо от своих мировоззренческих, теоретических и методологических оснований и принципов классификации имеют своим главным содержанием именно анализ динамики культуры. Другое дело, что одни стоят на эволюционистских и прогрессистских позициях, другие на позициях катастрофичности или цикличности. Особенностью современного состояния теории культуры является заметное общее ослабление исторического оптимизма. Уверенность в восходящем направлении развития культуры, столь характерная для XVIII – середины XX вв., оказалась значительно потесненной нарастающими и углубляющимися цивилизационными и культурными противоречиями конца XX – начала XXI вв. Резкое ускорение научно-технического прогресса прошлого века еще имеет значительную инерцию, и общественное сознание, в том числе и специализированное, привыкшее сопрягать с ним развитие культуры, но все более и более замечает существенные несогласования между этими процессами, все более замечает нарастание в культуре деструктивных моментов.

Тогда появляется невольная мысль о том, что возникновение нового в культуре имеет для нее скорее разрушительный, чем созидательный характер. Чем же оно так привлекательно и почему культурное творчество и всякого рода модернизационные процессы имеют такое высокое ценностное значение в общественном сознании и в общественной практике? И если существует какая-то поступательность в движении культуры, то каким образом она обращается в противоположную направленность?

С большей или меньшей определенностью история различает периоды упадка культуры и периоды ее «возрождения», но тогда должны быть указаны некоторые общие, универсальные критерии для таких различий, и такие критерии должны быть применимы для квалификации и квантификации тех феноменов культуры, которые называют культурной инновацией.

Инновация как механизм динамики культуры

Термин «инновация» довольно широко используется в гуманитарных науках. Сформировалась даже концепция инновационной культуры, но понятие «культурной инновации» не получило еще достаточного внимания со стороны теории культуры, хотя уже введено в научный оборот и используется в специальных работах и диссертациях¹. Его содержание трактуется, скорее, в контексте естественного языкового словоупотребления, хотя уже намечены основные направления теоретического анализа, в частности, об источниках инновации, о ее механизмах, о ее социокультурных следствиях, о субъектах инновационных процессов. Наиболее глубоким и перспективным исследованием динамики культуры, открывающим собственную проблематику культурных инноваций, можно назвать работу А.Я. Флиера «Культурогенез» (1995). Культурогенез он понимает как совокупность постоянно протекающих процессов в культурах всех времен и всех народов, как один из типов социальной и исторической динамики существования и изменчивости культуры, заключающейся в непрерывном порождении новых культурных феноменов, наряду с наследованием и трансформацией прежних².

Понятие инновации имеет широкое хождение в научной литературе, употребляясь для обозначения введения новшеств, как улучшение посредством создания новых способов деятельности и т.п. Преимущественно понятие инновации использовалось в анализах технико-технологической и экономической деятельности, где, по большей части, его содержание понимается утилитарно, как научно-техническое новшество, изобретение, открывающее новые возможности для использования в области производства. Еще более распространено понимание инновации как новшества в качестве нового продукта, открывающее новые возможности для продвижения на рынке. В настоящее время область применения понятия значительно расширилась и включила в себя также социальную, политическую и духовную сферы общественной жизни, что сразу и остро вызвало потребность философско-методологического и культуротейоретического расширения и осмысления его содержания. Оно весьма плодотворно стало использоваться и в социокультурных анализах.

Одним из первых, в современной отечественной науке анализ понятия новизны и инновации в культурологическом аспекте предпринял А.С. Ахиезер. По его мнению, новшество в единстве с ранее существующим составляет дуальную оппозицию, полюса которой находятся в состоянии амбивалентности. Новшеством, с этой точки зрения, может считаться лишь то, что освоено человеческой деятельностью, что выступает как изменение элементов, условий, средств и целей деятельности, что может быть включено в более широкое целое и определено в отношении к нему. А новация выступает как создание и введение нового в существующую социокультурную целостность³.

А.С. Ахиезер определил инновацию как внесение новшества, как некоторое движение в соотношении полюсов дуальности, не изменяющее общей структуры этого соотношения, но создающее предпосылки для ее существенного изменения. Новация в этом плане может возникать как из внешних взаимодействий целого, так из его внутренних соотношений. В этом последнем случае можно обозначить ее как инновацию. Импульс к инновации возникает вследствие взаимодействия целого с самим собой и со своими составляющими частями. Можно также искать таковой в соотношениях структуры со своими элементами и в соотношениях между элементами структу-

¹ См., напр.: Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–17; Суханова М.А. Традиция и инновация в культуре // Инновации и образование. Сб. материалов конф. Серия «Simposium». Вып. 29. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 443–446; Теркина А.В. Инновация как социокультурный феномен: Автореф. дисс. ... к.ф.н. М., 2006; Мазаева Т.А. Инновационная динамика в этнокультурной среде: Автореф. дисс. ... д.ф.н. Ростов на Дону, 2007.

² Флиер А.Я. Культурогенез. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 17.

³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М.: Философское общество СССР, 1991. Ч. III.

ры. Проще говоря, инновация возникает и существует как способ и как форма самодвижения структуры. В снятом виде типичным проявлением простейшей инновации может быть представлена флуктуация. Например, в физической реальности – флуктуации полей, флуктуации квантовых объектов; в биологии – мутации. Инновации есть важнейший механизм процессуальности, которая на различных уровнях структурной организации материи и в зависимости от меры сложности объектов может иметь обратимый и необратимый характер. Если в естественных процессах флуктуации не приводят к глубокой перестройке целостных систем, то в процессах социокультурных они могут играть значительную роль в цепях причинения и, следовательно, в содержании направления изменения социальных отношений. Применительно к предмету нашего рассмотрения понятие инновации, конечно же, выражает аспект, содержание и результат деятельности и относимо только к историческому процессу.

Чрезвычайно интересный анализ места и роли инноваций в истории культуры содержат работы немецкого философа Г. Люббе, выдвинувшего концепцию названную им «сокращением современности», согласно которой в настоящее время поток культурных инноваций столь интенсифицировался, что рвется всегда ясно ощущаемая в культуре ее темпоральная связь¹.

Специальное исследование инновации как социокультурного феномена предприняла А.В. Теркина. Она рассматривает инновацию как продукт сочетания креативно-творческой и предметно-практической деятельности субъекта, главной функцией которого выступает позитивное изменение и который получает широкий резонанс в социокультурной среде². Однако в этом определении, подчеркивающим действительно существенные признаки инновации, внимание сосредоточено преимущественно на субъективной стороне дела – творческой активности индивида и ценностном статусе. Для авторского исследования заявленной темы этого вполне достаточно, но введение понятия «культурной инновации», требует существенного уточнения его спецификаций и более внимательного рассмотрения его содержания в социокультурном контексте.

Содержание и структура культурной инновации

Поскольку общепризнанно, что культура выполняет интегративную функцию, то содержание понятия культурной инновации сопряжено со всяким изменением в способах и формах общественного воспроизводства. Прежде всего, это относится к изменениям в духовной сфере, что более или менее быстро проявляется изменением в образе жизни, в сфере социальных отношений и социальных структур. Конечно, это «более или менее» весьма условно и в разных конкретно-исторических культурах осуществляется с различной скоростью, в различных объемах и с различными последствиями. В традиционном обществе механизм этот действовал весьма медленно и даже незаметно для многих сменявших друг друга поколений. Известны локальные культуры с довольно длительным периодом существования, в которых инновационные механизмы практически не действовали. Цивилизационные же формы культуры резко усилили, ускорили и до чрезвычайности усложнили их действие. Более того, культурная инновация, будучи осознанной и обретая высокий ценностный статус, по этой же причине оказалась легко фальсифицируемой и трудноразличимой. Можно сказать, что это произошло вследствие существенного опережения скорости социальных процессов культурных, или, другими словами, вследствие подчинения динамики культуры динамике социальной. Но вследствие единства социального и культурного всякий дисбаланс между ними выступает и как причинение взаимных изменений: в социальных процессах выявляются и материализуются культурные смыслы, проходя, так сказать, проверку на действительную воспроизводственную пригодность и ценность; в процессах же культурных социальный опыт побуждает изменение ментальности и ее новые конструкции.

Инновации в культуре суть явление массовое, они возникают на любых уровнях и на любом участке общественного воспроизводства. Культурные инновации имеют гораздо более глубокий, культуруобразующий характер, но не всегда замечаемые и регистрируемые как таковые, зачастую теряясь среди инноваций в культуре. Поэтому действие культурной инновации может быть скрытым, а ее последствия выступать несколько неожиданными и далеко не всегда желаемыми и принимаемыми существующим конкретным сообществом. Точно также в качестве культурной инновации может выступать явление, внешне с ней сходное, но не совпадающее с ней содержательно и структурно, однако, воспринимаемое и внедряемое как культурная инновация. Подобная социокультурная ситуация возникает в двух случаях: или как проявление стихийности в движении культуры, или как целенаправленно организованное. В первом случае причиной того, что общество обманывается в распознавании культурной инновации, является нечеткость, размытость ценностных представлений, увлечение чисто внешней стороной явления и упрощенным применением методов сравнения. Во втором случае мы встречаемся с сознательной фальсификацией культурной инновации, которая производится или в утилитарных, меркантильных целях сбыта определенной продукции, или в целях идеологических и пропагандистских, для манипулирования общественным сознанием.

Культурная инновация выступает и дискретно – в объектном качестве конкретного явления, и в непрерывности изменений – в качестве процесса. В первом случае она выступает как момент фиксации, как момент социокультурного наличного бытия. Во втором – она представляет перенос и сохранение социокультурного содержания в снятом виде, то есть механизм производства (возникновения) и укоренения в той или иной области культуры способа деятельности, приводящего, (или открывающего возможности) к существенным и качественным изменениям в этой области, или даже в целостной системе культуры. В этом плане следует подчеркнуть, что важнейшей особенностью культурной инновации является ее необратимость.

Культурная инновация способна нести в себе глубокое противоречие. Будучи по определению положительным явлением динамики культуры, она неизбежно вносит и определенный раскол, разлад в существующие структуры культуры, противопоставляя и приводя в противоборство те или иные их элементы. И чем масштабнее и глубже инновация, тем острее эти отношения. Культурная инновация значительно ограничивает и даже ставит под сомнение наличествующие смыслы и ценности, хотя не может дать эквивалентной замены, разве только в своей будущей развертке, в которой, однако, возникает еще более широкий растр возможностей противоречий.

¹ Люббе Г. В ногу со временем. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.

² Теркина А.В. Указ. соч.

Дело усугубляется еще и тем, что культурная инновация вызывает множество инноваций во всех сферах общественной жизни, из которых далеко не все столь уж положительны для общественного воспроизводства.

Таким образом, при анализе социокультурных процессов понятие культурной инновации играет ключевую роль. Оно позволяет сосредоточить внимание на основных и существенных отношениях внутри конкретного исторического сообщества, на способах и формах их проявлений. Оно позволяет выявить главные тенденции во взаимодействии внутренних частей социальной целостности. Полагаю также, что применение понятия культурной инновации в качестве инструмента философского и культурологического анализа позволит, с одной стороны, ограничить значительное влияние биологизаторских и социологизаторских увлечений в понимании культуры, с другой же – более внимательно отнестись к социокультурному значению любых входящих в исторический процесс явлений.

Итак, если сущность культуры как системы воспроизводства человека состоит в трансляции смыслов и значений, то инновационные импульсы соответственно появляются, во-первых, как изменение содержания и структуры смыслов, во-вторых, как изменение в содержании и структурах знаково-символических систем и, в-третьих, в изменении направленности и структуры деятельности, что, естественно, выражается в ее результатах. А.А. Пелипенко определяет смысл как ценностнопереживаемое значение, иноположенное (выраженное) в кодах (знакообраз), которое, социально транслируясь, реализуется в контекстах культуры. По его мнению, смысл – это «ворота» культурогенеза и одновременно последний, то есть неделимый элемент культуры, который устанавливает связь между континуумом реальности и пространством сознания¹.

Как же происходит и в чем себя выражает изменение смыслов и значений?

Боюсь повторять банальности, но человек как духовное и социальное существо производится смыслами, находится внутри смыслов и, следовательно, существует только в отношениях со смыслами. Движение культуры, таким образом, есть переход от смысла к смыслу, от одного уровня организации смыслов к другому, следовательно, есть изменение взаимодействий и структур их материальных носителей.

В процессе осмысления, то есть, осваивая и усваивая содержание смыслов, человек одновременно усваивает способы отношения к ним, что выражается в определенном его дистанцировании от смысла и в осознании этой дистанции. Операции освоения выступают как расширение ментального пространства, как изменение ментальной топки. Операции усвоения имеют своим содержанием перевод задаваемых объективно существующих смысловых структур в индивидуальные и уникальные ментальные образования. Между этими уровнями структурной организации смыслов возникает определенное отношение, которое, будучи осознаваемым и, следовательно, наделяемым самостоятельным смыслом, может быть выражено понятием дистанцирования. Между полюсами дистанцирования с необходимостью возникает разница потенциалов ментального поля, определенная напряженность, которая может быть и слабой до незаметности, и сильной, даже до появления некоторой, психофизиологической дискомфортности. Так или иначе, формируется отношение к освоенным смыслам, которые, будучи встроенными в индивидуальную ментальность становятся усвоенными. Усвоенность может иметь положительный эффект, возникающий из согласованности усвоенных смыслов с жизненной программой, но может давать и эффект отрицательный, следующий из несоответствия усвоенных смыслов такой программе. И в том, и в другом случае отношение к освоенным и усвоенным смыслам выступает как *переосмысление*, которое является первым шагом и первичной клеточкой инновации.

Переосмысление есть всеобщий и массовый процесс, протекающий на всех уровнях сознания, то есть речь идет не только об изменениях в понятийных структурах, но и в эмоционально-образных, и в сферах подсознательного и бессознательного. Он осуществляется стихийно и поэтому бесконтрольно как в своем процессном, так и в своем результативном содержании. Но переосмысление может быть структурно выделено в ментальных процессах и специально культивировано, обретая характер и содержание целеполагающей деятельности, направленной на самое себя, что вызывает и потребность в соответствующих средствах. На этом уровне мы имеем дело с развитым самосознанием. Переосмысление означает внесение отношения субъекта в усвоенную структуру смысла в качестве его, данного смысла, элемента, и сопоставление этих двух структур. Их несовпадение служит импульсом к *трансформации* смыслов, то есть к возможности переносов их содержания друг на друга и их взаимной перестройке. Естественноисторические предпосылки подобных процессов переноса формальной организации структур друг на друга сформированы флуктуационным уподоблением взаимодействующих объектов.

В этом плане мне представляется любопытным и важным замечание А.С. Ахиезера о культурной роли способности человека находить себя «между» элементами объективного и субъективного мира. Одним из наиболее показательных проявлений этого является осознание возможности обмана, что свидетельствует о появлении и развитии возможностей оперировать элементами культуры как особой формы реальности. «Осознание способности обмануть, притвориться кем-то другим, возможно во время игры, охоты, конфликта и т.д., открывает путь изошренности, осознанию проблемы отношения внутреннего и внешнего, развитию способности человека изменять свои отношения через изменения культуры, изменять культуру через изменение отношений, в конечном итоге решать проблемы в сфере «между» ними»².

В живой природе предпосылками возможностей подобных трансформаций служат приспособления, мимикрия, заимствования и т.п. В системе человеческой деятельности же переосмысления и трансформации составляют первичный, базовый механизм того, что мы называем культурной инновацией, то есть изменением, ведущим к перестройке структуры смыслов и самой деятельности. Конечно, не всякий акт переосмысления, не всякое изменение смыслов и значений могут быть названы культурной инновацией, но только такие, что затрагивают отношения существенных связей элементов данной культурной целостности. Определить же эту сущность крайне сложно, а чаще всего и невозможно. Некоторые локальные и весьма частные изменения, возникшие в результате переосмысления и трансформации, могут быть причинным импульсом для глубоких социокультурных сдвигов и их вполне можно назвать культурообразующими. Другие же, вполне заметные и

¹ Пелипенко А.А. Культура – существительное одушевленное // Человек. 2007. № 4. С. 22–23.

² Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 29–45.

кажущиеся значимыми – не оставлять практически никакого следа в последующих состояниях культуры. Известен случай, когда в стае японских маргышек одна, прежде чем съесть плод, помыла его в морской воде, и с тех пор вся стая постоянно повторяет этот прием. На мой взгляд, этот пример показывает, как уже на уровне высших форм животной психики складываются предпосылки для глубокой дифференциации функций и результатов переосмысления и трансформаций. Но какая эмоция, какая мысль, какое предметное действие послужит спусковым механизмом для перестройки значимой области общественного воспроизводства всегда остается непредсказуемым: «нам не дано предугадать, чем наше слово отзовется».

Переносы смыслов, или экстраполяции, осуществляются разнообразными способами, среди которых можно, прежде всего, выделить аналогию. Прежде всего – потому, что аналоговое мышление является важнейшей характеристикой мифологии, первичной формы осознания человеком своего бытия. Аналогия позволяет через уподобление ментальных структур структурам внешней среды осмыслить единство внешнего и внутреннего и запускает механизмы переосмысления через их сравнение, выявление сторон и аспектов их соотношения.

Трансформация смыслов, как перестройка внутренних взаимоотношений между элементами их структур, включающая и дистанцированное отношение к смыслу, выступает как интерпретация, в которой, с одной стороны, возникает некоторый добавленный смысл, с другой же стороны, возникает и некоторое измененное отношение и к исходным, и к возникшим смысловым структурам. Интерпретированный смысл занимает центральное место в ментальности и задает ей некоторую направленность изменений, можно даже сказать, задают некоторую координатную систему изменений. Интерпретация имеет значительный действенный потенциал и может рассматриваться как первичная клеточка культурной инновации.

Культуру можно представить как смысловое поле с бесконечными возможностями взаимодействий и трансформаций формальных и содержательных элементов, а некоторые из взаимодействий можно выделить и описать с достаточной определенностью, что позволяет говорить о некотором проявлении в движении культуры динамических законов. Так, интерпретация в своей крайней форме превращается в инверсию, в перемену содержания смысла на противоположное и, следовательно, резкое изменение самого отношения к смыслам. Движение между полюсами инверсии А.С. Ахиезер назвал дуальной оппозицией и пришел к выводу о том, что все движение культуры осуществляется как движение между полюсами и как движение от полюса к полюсу, на основании чего определил дуальную оппозицию как основу культуры.

Но все изменения смыслов пока они протекают и существуют как флуктуации смысловых, или ментальных, полей, служат лишь предпосылками и основаниями инноваций. Существует легенда, что молодой талантливый французский математик Эварист Галуа в ночь перед дуэлью, ставшей для него роковой, нашел доказательство теоремы Ферма. Но, не будучи записанным, оно не стало фактом науки, фактом культуры, и ни в малой мере не повлияло на развитие математики.

Инновации проявляют себя и осуществляются только в материальной предметности, выступающей в виде знаковых структур, несущих и выражающих смыслы, а также в предметно-преобразующей деятельности. Здесь операции переосмысления и трансформации во всех своих бесконечно разнообразных возможностях выступают как коды и их перекодировки, как знаковая шифровка и дешифровка смыслов, как комбинаторика их формальных, содержательных и функциональных элементов. Следовательно, открывается еще один аспект инновационности: смыслы материализуются в знаково-символических и деятельностных структурах и получают от них мощный импульс к преобразованиям, изменениям, новшествам.

В знаково-символических структурах смысл отделяется от человека, и степень этого отделения может вырастать до отчуждения и противопоставления смыслов самому человеку. Формируется экстравертный аспект переосмысления, трансформаций и интерпретаций, которым задается структура окружающей предметной среды, ориентация и содержание деятельности. Так, мифологическое сознание во всем окружающем различает активные по отношению к человеку смыслы и устанавливает правила и нормы взаимоотношений с ними. Религиозное сознание от своих первоначальных форм до современных определяется именно этим содержанием. Точно также значительная часть содержания протонауки и почти в полном объеме средневековая наука ориентирована на раскрытие и постижение смыслов, существующих объективно, но скрытых от человека, представляющих тайну. Определение позиции человека в системе знаков имеет первостепенное значение, поскольку именно ею осознается, понимается сущность человека и именно ею запускается воспроизводственная программа.

Следовательно, культурная инновация в этой сфере представляет собой главным образом и по преимуществу такое переструктурирование знаков и символов, результатом которого является изменение в способе мышления и в способе деятельности. Тогда культурная инновация выступает и как установление иного принципа знаково-смысловой организации, а это, в свою очередь, заставляет устанавливать соотношения между прежними и новыми знаковыми системами, между организующими их принципами, устанавливать их координации и субординации, определять их ценностный статус. Это поле критического мышления, где в качестве инновационных предпосылок важнейшую роль играют уверенность и сомнение, вера и недоверие.

Если выделить уверенность, то мы встречаемся с социально-психологическим феноменом осознания, чувствования, в значительной степени интуитивного, в возможности конструирования смыслового содержания, более адекватного осваиваемой предметности, чем имеющимся. Уверенность, с одной стороны, широко опирается на обобщения предшествующего опыта (в самом широком смысле этого термина), с другой же – на некоторый, далеко не всегда ясный, но формируемый образ новой целостности и его оснований. Неполнота этих обобщений, несформированность, размытость образа целостности составляет основание сомнений относительно оппозиционности, известной осторожности и недоверия к применяемым средствам и методам построений.

Если выделить веру, то это социально-психологическое явление имеет своим содержанием ощущение, чувствование правильного стратегического направления в переосмыслении, трансформации и интерпретации осваиваемой предметности, опирающееся на интуитивные представления о всеобщности принципов организации и возможности построить более действенные, по сравнению с существующими, знаково-символические ориентационные системы

деятельности. В данном контексте я употребляю понятие веры, как выражающее определенный момент гносеологического процесса, но не в плане веры религиозной, во всяком случае, не прежде всего религиозной.

Соотнесенность смыслов, существующих как ментальные образования, со смыслами, овеществленными в знаковой предметности создает, если здесь можно пользоваться физическими аналогиями, силовые линии культурного пространства, которые ориентируют способы и формы отношения человека к миру, к самому себе, к окружающему. По этим силовым линиям осуществляется также изменение способов и форм деятельности.

Разумеется, самой фундаментальной, самой глубокой культурной инновацией, собственно и определившей бытие человека как социального и духовного существа, стала орудийная деятельность. И на всем протяжении культуры изменения в способе деятельности сохраняют это приоритетное значение. Поэтому смыслы, о которых я постоянно упоминаю, при чрезвычайной сложности своих структурализаций, еще и иерархизированы, а в основание иерархий можно положить соотношение смыслов, как свернутых алгоритмов деятельности, выражающих и соотношение интересов и целей, которые представляют собой программы деятельности.

Сам способ деятельности определяется способом отношения человека к природе, и представляет собой способ преобразования вещества природы для удовлетворения потребностей. Синкретическое существование человека в природе, собирательное хозяйствование, использующее непосредственный ресурс предоставляемый природой, составлявшее практически все историческое (или доисторическое) время бытия человека и обозначаемое как традиционное общество, изменялось столь же медленно, как и медленно менялся орудийный арсенал, обеспечивающий выживание и, следовательно, как медленно изменялись способы, приемы и формы деятельности и воспроизводящие их содержание и формы ментальности. Культурные инновации здесь имели, во-первых, весьма ограниченный, локальный масштаб и, во-вторых, имели своим содержанием, по преимуществу, расширение возможностей потребительского ресурса.

Следующий этап изменений, знаменующий переход к новому типу культуры связан именно с изменением способа деятельности и, соответственно, изменением отношения к природе. Это неолитический переход к воспроизводящему хозяйствованию, вызванный революцией в первобытной технике и технологии, изменение способов обработки орудий, их усложнение и расширение функциональных возможностей. Разнообразие и темп культурных инноваций здесь резко возрастают.

Культурная инновация есть качественное изменение состояния культурного целого, но, как нетрудно видеть, далеко не всегда и далеко не всякие инновации, могущие быть квалифицированы как культурные, с достаточной очевидностью обнаруживают свою действительную значимость и вызывают к себе соответствующее внимание и отношение со стороны общества. Эта сторона дела имеет, разумеется, глубокое теоретическое содержание, но еще более важна в практическом отношении, особенно в условиях, когда формируются институты культуры и возникают вопросы управления культурными и социокультурными процессами. А если говорить о культурной политике, то есть о программных пунктах и действиях субъектов общественного процесса (государств, политических партий, общественных организаций и учреждений, спонсорства, меценатства и т.п.) по отношению к культуре, то простейшая компетентность в основных линиях развития культуры в целом и данного конкретного этапа и формы ее существования становится жизненно необходимым.

В этом плане важное методологическое значение приобретает понятие «шага новизны». С.А. Ахиезер трактует шаг новизны как важный конкретно-исторический элемент культуры, определяющий величину допустимых новшеств, который значимо не нарушает комфортное состояние субъекта¹. «Шаг новизны», конечно, понятие качественное, но само наличие в нем термина «шаг» содержит и возможность, и необходимость выявления количественных характеристик понятия. Будь это сделано хотя бы с некоторой верифицируемой точностью, теория культуры получила хороший мерительный инструмент, а практика надежный показатель направленности и темпа развития культуры. Однако решение этой задачи весьма затруднительно, поскольку шаг новизны, имея объективное содержание, становится фактом культуры только через его осознание, оценку в качестве такового, зависит от совокупных усилий общества в его осуществлении.

Шаг новизны совершается и как стихийный процесс, и как осознанное и целенаправленное действие, субъектом которого могут являться и отдельный креативный индивид, и социальные группы различного масштаба. Шаг новизны, который в зависимости от направленности и задач исследования может быть описан в терминах теории эволюции, или теории структур, или теории творчества, определяется тем, насколько вносимое новшество может быть освоено и усвоено (осмысленно, понято, стать предметом интерпретаций, указателем действия и т.д.) данным конкретным сообществом. В своей процессной проекции шаг новизны имеет концентрическую структуру: от момента появления новшества к освоению его близкой к субъекту группой и, впоследствии, с большей или меньшей скоростью распространяется на все сообщество. Механизмом распространения служат системы коммуникаций, воспитания, обучения и образования, или, лучше сказать, механизмы аккультурации и социализации.

Минимальный шаг новизны состоит в признании явления *культурным фактом*, причем независимо от количества признавших, но сильно зависимо от их компетентности. Следующая ступень – признание данного культурного факта в качестве такового определенным сообществом, выступающим как референтная группа (к примеру, профессиональное сообщество). Далее следует внедрение и применение новшества, не разрушающего структурно-функциональной организации существующей культурной целостности. В этих случаях можно говорить о соизмеримости шага новизны с возможностями освоения и усвоения данным обществом новых смыслов и выражающих их знаковых систем. Шаг новизны расширяет ментальные и деятельностные возможности общества, сохраняя общую комфортную для участников социокультурного процесса обстановку. Комфортностью можно назвать такие условия, способы и формы бытия культуры, которые позволяют соединить оптимальность освоения и усвоения смыслов и деятельностей: с минимальными усилиями вхождения в культуру и максимального использования ее жизненновоспроизводственного потенциала. Сохранение стабильности такой культурной це-

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурный словарь. М.: Философское общество СССР, 1991. С. 443.

лостности является одной из важнейших забот сообщества и представляет одну из его доминантных ценностей.

Однако шаг новизны способен и выходить за пределы этой меры. В таких случаях возможны два следствия. Если шаг новизны намного превосходит возможности данного общества к усвоению культурной инновации, то она остается как бы и незамеченной и, в силу этого, практически не оказывает влияния на социокультурный процесс. Так случается с идеями и их материальным воплощением, о которых впоследствии говорят, что они далеко обогнали свое время. Таковы, например, некоторые научные идеи и эксперименты античной науки, таковы некоторые идеи и работы Леонардо да Винчи.

Если же шаг новизны приближается к границам упомянутых возможностей, или ненамного переходит их, так, что новшество все же доступно для осмысления пусть и небольшой части общества, то возникает ситуация разлада, дисфункций в культурном целом, поскольку вводится новый принцип организации, требующий при своем признании масштабной, глубокой, системной перестройки этого целого. Поток новшеств, выходящий за рамки шага новизны, как показывает А.С. Ахиезер, превращает комфортный мир в дискомфортный и ведет к попыткам упрощения культуры, к возврату на уже пройденные этапы, с меньшим шагом новизны. Но расширение шага новизны является необходимым механизмом в поступательном движении культуры, к расширению ее границ и содержания.

Расширение шага новизны сопровождается взаимообусловленными запусками инновационных процессов в самых различных сферах общественной жизни и значительным увеличением фактов культуры. При этом происходит значительная экстенсификация культурного пространства, но вместе с тем и значительное его уплотнение. Экстенсификация, во-первых, рассредоточивает усилия, направленные на освоение и усвоение культурных инноваций и, во-вторых, чрезвычайно неравномерно распределяет их направленность. При этом часть культурных фактов именно минимального шага новизны в содержательном отношении оказывается и проще, и доступнее для значительных социальных континентов. Тогда как культурные инновации, обладающие высоким креативным потенциалом, требуют больших усилий и осваиваются в меньшей мере. Тем самым они задают доминирующие системы смыслов и значений с весьма неглубоким содержанием. В условиях массовых инновационных процессов сбиваются ценностные, а, следовательно, иерархические шкалы, служащие мерами осмысления и переосмысления. Выдвигающиеся на передний план стереотипизированные плоские смыслы ориентируют не формы и способы воспроизводственной деятельности, а потребительские формы активности. Потому и можно говорить об уплотнении культурного пространства, то есть об уменьшении его глубины.

Культурная инновация противоречива и в том отношении, что, повышая меру плотности и связности культурного пространства, поскольку расширяет структурные (функциональные и коррелятивные) связи его составляющих, она одновременно и разрыхляет культурное пространство, образуя новые пограничные линии и зоны между смыслами и значениями. Это процесс саморазворачивания смыслового поля, что, собственно, и составляет самоосуществление и самовоспроизводство культуры.

Разумеется, ни один из этих тезисов нельзя абсолютизировать. Они выражают лишь самую общую, самую абстрактную схему соотношения векторов движения культуры. Различные участки культурного пространства в различных конкретно-исторических условиях могут иметь разную меру глубины, связности и плотности, поскольку оно всегда имеет анизотропную и гетерохронную структуру¹. И вследствие этого культурные инновации бесконечно разнообразны по своему содержанию, формам проявления и порождаемым ими следствиям. Тем не менее, все это многообразие, вероятно, поддается и определенной систематике, хотя любая из предложенных будет воспринята весьма и весьма критически.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М.: Философское общество СССР, 1991. Ч. III.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурный словарь. М.: Философское общество СССР, 1991.
3. Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 29–45.
4. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–17.
5. Люббе Г. В ногу со временем. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.
6. Мазаева Т.А. Инновационная динамика в этнокультурной среде: Автореф. дисс. ... д.ф.н. Ростов на Дону, 2007.
7. Малиновский Б. Избранное. Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004.
8. Пелипенко А.А. Культура – существительное одушевленное // Человек. 2007. № 4. С. 17–31.
9. Сараф М.Я. Национальное культурное пространство и обеспечение его безопасности: Монография. Голицыно, 2008.
10. Суханова М.А. Традиция и инновация в культуре // Инновации и образование. Сб. материалов конф. Серия «Simposium». Вып. 29. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 443–446.
11. Теркина А.В. Инновация как социокультурный феномен: Автореф. дисс. ... к.ф.н. М., 2006.
12. Флиер А.Я. Культурогенез. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995.
13. Kemmelmeier M., Kühnen U. "Culture as Process: The Dynamics of Cultural Stability and Change." *Social Psychology* 43.4 (2012): 171–173.
14. Lotman Yu.M. "On the Dynamics of Culture." *Sign Systems Studies* 41.2–3 (2013): 355–370.
15. McCarthy E. "The Dynamics of Culture, Innovation and Organisational Change: A Nano-Psychology Future Perspective of the Psycho-Social and Cultural Underpinnings of Innovation and Technology." *AI & Society* 28.4 (2013): 471–482.
16. Welz G. "The cultural swirl: anthropological perspectives on innovation." *Global Networks* 3.3 (2003): 255–270.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Сараф, М. Я. Динамика культурного пространства / М.Я. Сараф // Пространство и Время. — 2014. — № 4(18). — С. 73—79. Стационарный сетевой адрес 2226-7271prov_st4-18.2014.41

¹ См.: Сараф М.Я. Национальное культурное пространство и обеспечение его безопасности: Монография. Голицыно, 2008.